

УДК 81'67.7

ОБРАЗ ПЕТРА ПЕРВОГО В ВОСПРИЯТИИ Л.Н. ТОЛСТОГО И Д.А. ГРАНИНА: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.Н. Самарская

Ассистент кафедры русского языка и литературы

e-mail: LSN1503@yandex.ru

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

В статье представлен лингвостилистический анализ отдельных фрагментов неоконченного романа Л.Н. Толстого о времени Петра Первого и романа Д.А. Гранина «Вечера с Петром Великим». Анализ типов повествования, стилистических и языковых приемов, с помощью которых создается образ первого императора России, позволяет выявить различия в восприятии авторами неоднозначной исторической фигуры. В незавершенном романе Л.Н. Толстого определены лексические доминанты, формирующие образ Петра Первого. В романе Д.А. Гранина выявлены виды повествования, дан лингвостилистический анализ отдельных эпизодов, осмыслено жанровое своеобразие произведения.

***Ключевые слова:** текст, лингвостилистический анализ, лингвистические приемы, ключевой образ, лингвостилистика Л.Н. Толстого, лингвостилистика Д.А. Гранина, композиция.*

Введение.

Личность Петра I неоднократно вдохновляла писателей на создание художественного образа первого императора России. Читателю известно немало произведений русской литературы, в которых представлен многогранный «портрет» Петра, фигура реформатора, поднявшего Россию на дыбы: роман «Царь Петр и правительница Софья» Д.Л. Мордовцева, «Рассказы о Петре Первом» С.П. Алексеева, роман «Петр Первый» А.Н. Толстого, биография «Петр Великий. Прощание с Москвой» Р.К. Масси и др. Созданные авторами художественные образы уникальны, прежде всего за счет неповторимого авторского стиля и своеобразия языкового воплощения.

Вопросом изучения лингвистической стороны художественного образа в литературном тексте занимались В.В. Виноградов [Виноградов 1971], Г.О. Винокур [Винокур 1991], Б.А. Ларин [Ларин 1974], А.В. Чичерин [Чичерин 1968], В.П. Григорьев [Григорьев 1983] и др. По мнению академика В.В. Виноградова, исследование языкового своеобразия художественной речи позволяет выявить единство «образно-семантического контекста произведения, в котором функционируют... все основные единицы художественного выражения» [Виноградов 1971: 11]. Изучение структуры текста, его композиционных особенностей в

совокупности со стилистическими доминантами направлено на выявление языкового своеобразия литературного произведения, текстообразующим элементом которого выступает именно художественный образ.

Материалы и методы.

В настоящей работе мы обратились к неоконченному роману Л.Н. Толстого о времени Петра Первого и роману Д.А. Гранина «Вечера с Петром Великим». Цель исследования – определение лингвостилистических приемов, с помощью которых созданы художественные образы выдающегося правителя и реформатора XVIII века.

Следуя утверждению В.В. Виноградова о необходимости рассмотрения элементов художественного произведения (эстетики художественного слова, динамического развертывания художественной ткани произведения, синтаксического и синтагматического развития повествования) в совокупности, в качестве ведущего методологического приема исследования нами был выбран лингвостилистический анализ художественного текста [Виноградов 1971: 54]. Поскольку лингвостилистический подход к анализу литературного произведения позволяет изучить, вынести за рамки текста языковые и стилистические единицы, выявить лингвистические приемы, с помощью которых создается художественный образ.

Результаты.

Обращаясь к определению жанрового своеобразия романа Д.А. Гранина «Вечера с Петром Великим», стоит отметить документальный характер произведения. Подзаголовок «Сообщения и свидетельства господина М.» формирует горизонт читательских ожиданий, создает образ автора – историка и исследователя, тщательно отбирающего хронику о жизни Петра Великого.

В книге Д. Гранина «Человек не отсюда» мы находим высказывание писателя о работе над созданием романа: «Из трех книг, которые вышли у меня в девяностые годы, ... «Вечера с Петром Великим» – самая трудная. Роман писал лет 10 – 12. Бросал, снова принимался за него. Хотел рассказать о Петре не как о великом государе, полководце, воине, созидателе, ученом, а как о личности» [Гранин 2014:13].

В настоящей работе мы сопоставим лингвостилистические приемы, с помощью которых Л.Н. Толстой создает образ царя-реформатора во фрагментах романа, дневниковых записях, письмах, с приемами Д.А. Гранина, примененными в историческом романе «Вечера с Петром Великим».

Обратимся к истокам создания неоконченного романа Л. Толстого. Еще до завершения романа-эпопеи «Война и мир», в 1867 г., Л.Н. Толстой

начал искать особый исторический тип героя для будущего романа, вступая в полемику с историками, в частности, с С.М. Соловьевым. «Какая сила движет народами? Частные историки биографические и историки отдельных народов понимают эту силу как власть, присущую героям и владыкам» [Толстой 1991: 313]. Желая продолжить спор, открытый в эпилоге «Войны и мира», Л. Толстой разворачивает полемику в письмах и дневниках в конце 60-х годов XIX века.

В 1870 г. в дневнике Л. Толстой оставляет запись: «Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, грубость, глупость, неумение ничего сделать...» [Толстой 1985: 265].

Стремясь изобразить исторический фон наиболее достоверно, но сквозь призму художественного мира, Л.Н. Толстой прибегает к применению художественного приема «история – искусство», согласно которому история должна выражать «простоту, ясность, утвердительность, а не предположительность» [Толстой 1985: 267]. По мысли Л.Н. Толстого, история, как и искусство, должна углубляться в предмет исследования, независимо от того, рассматривает автор продолжительный временной отрезок, используя диахронический аспект, или изучает личность отдельного субъекта истории, применяя синхронический аспект. Подобное восприятие истории сквозь призму искусства возникает у Л.Н. Толстого вследствие увлечения идеями А. Шопенгауэра. Размышления немецкого философа об истории послужили для Л.Н. Толстого отправной точкой для начала работы над новым историческим романом, который по задумке автора должен был отражать не только полемику с историками, но и художественное освещение проблемы человека и истории, противоречия историзма и антиисторизма, поставленные еще в «Войне и мире».

В письме к Н.Н. Страхову Л.Н. Толстой пишет о трудностях, с которыми столкнулся при написании романа о петровском времени: «Обложился книгами о Петре I и его времени; читаю, отмечаю, порываюсь писать и не могу. ... На что ни взглянешь, все задача, загадка... Весь узел русской жизни сидит тут» [Эйхенбаум 2009: 623].

С подобными трудностями в отборе исторических фактов о личности Петра I сталкивался и Д.А. Гранин при создании своего романа: «...добиться до разгадки, связанной с главным героем, – самое интересное...стоило найти какое-то объяснение поведению Петра, как следующим поступком он опровергал себя же» [Гранин 2014: 13].

Помимо сложностей в отборе фактологического материала, с которыми сталкивались в процессе работы и Л.Н. Толстой, и Д.А. Гранин, мы определили сходство в идейно-смысловом своеобразии романов, в частности, в изображении образа Петра Великого. Петр Первый представлен как личность исключительная, деятельная, прогрессивно мыслящая. По мнению Л.Н. Толстого, петровская эпоха представляется

«узлом русской жизни», то есть важной вехой в развитии истории государства XVIII века. Мысль Л. Толстого созвучна пониманию важности петровских преобразований и для писателя Д. Гранина.

Однако мы не можем назвать созданные Л.Н. Толстым и Д.А. Граниным образы Петра тождественными, прежде всего с лингвостилистической позиции. Во-первых, замысел Л.Н. Толстого не был воплощен в жизнь до конца, роман остался незавершенным. Во-вторых, Л.Н. Толстой дает неоднозначный взгляд на личность Петра I и его поступки: «*Петр составлен из контрастов...*» [Эйхенбаум 2009: 627].

В-третьих, основной неразрешимой проблемой для Л. Толстого осталось противоречие личности Петра, о которой он упоминает в дневниковых записях в 70-е годы. Разработанный им метод «история-искусство» не позволял создать правдоподобный образ главного героя: «сглаживание» непристойных, отталкивающих черт личности Петра Первого посредством употребления нейтральной лексики, эвфемизмов, безэмоциональной тональности повествования нарушает достоверность изображения исторических фактов.

Во фрагментах романа, посвященных описанию праздного образа жизни молодого царя Петра Алексеевича, мы не увидим ярко выраженного порицания со стороны автора. Напротив, с помощью контекстуальных синонимов, выраженных глагольными формами в сочетании с наречиями и фразеологическими оборотами, Л.Н. Толстой описывает одновременно забавы царя и его зарождающийся интерес к корабельному делу и военному искусству: «*Петр Алексеевич никогда народом не правил и мало входил во все дела...*», «*он связался с немцами, пьет, гуляет с ними, постов не держит и утешается ребяческими забавами: в войну играет, кораблики строит*» [Толстой 1985: 166]. Примечательно то, что при изображении зарождающегося интереса Петра к военному делу, к работе на корабельной верфи, на лексическом уровне проявляется авторский дуализм. С одной стороны, Л. Толстой противопоставляет лексемы и словосочетания ‘*пьет, гуляет*’, ‘*постов не держит*’ лингвистической единице ‘*утешается ребяческими забавами*’. С другой стороны, употребление лексемы ‘*играет*’ в значении ‘*забавляется, развлекается*’, субстантива ‘*кораблики*’ с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ик* передает одновременно ироническую и одобрительную авторскую оценку интересов Петра Алексеевича.

В эпизоде, посвященном подготовке к Азовскому походу, Л. Толстой употребляет развернутые метафоры (с доминирующей позицией глагольных форм) с целью показать основательность петровских замыслов, а также изобразить личность деятельную, наделенную созидательным талантом: «*Весь великий пост 1696-го года Царь...прожил в Воронеже на корабельной верфи*» [Толстой 1985: 197]; «*Из Воронежа к Черкаску на*

кораблях, на стругах, на бударах вниз по Дону бежало царское войско. Войско...шло в поход под Азов» [Толстой 1985: 200].

Л.Н. Толстой описывает «потешную войну» – военные маневры осенью 1694 г. под селом Кожуховом (около Москвы) – как начало борьбы Петра с дворянством (заголовок «Старое и новое» свидетельствует о возникшем противостоянии среди представителей разных сословий). В тексте приводится характеристика петровского времени. Высказывание, построенное по афористическому принципу, на уровне подтекста выражает взгляды автора на проблему передела старого на новый лад: *«Старый умный человек видел на своем веку много раз, как из старого переделывают новое, и как то, что было новое, опять делается старое, потому в новом видит не столько то, почему оно лучше старого, не ждет, как молодые, что это будет лучше, а видит то, что перемена нужна человеку»* [Толстой 1985: 193]. Последняя придаточная конструкция в приведенной синтагме выражает пропозиционное значение, помогает автору объяснить необходимость петровских реформ, а значит, находит положительную деятельную и противоречивую натуру Петра. При этом морфемный повтор словоформ, объединенных корневым элементом *-стар-*, выступает в роли усилительно-выделительной единицы, служит «средством развертывания или акцентирования художественного образа» [Николина 2018: 36]

Особого внимания заслуживает картина движения тысячи трехсот стругов, плывущих по Дону в сторону Азова, на одном из которых находится царь Петр. Один из самых значительных фрагментов романа Л. Толстого – экспозиция портрета Петра I, которая предваряется описанием весеннего утра после ночного дождя; психологизм – отличительная особенность идиостиля Л.Н. Толстого. Читатель видит портрет Петра глазами солдата Алексея Щепотева. Герой смотрит на императора снизу вверх, поскольку он оказал услугу государю, достал из воды его шляпу. Портрет нельзя назвать подробным, он создан с помощью штрихов, смысловых доминант – языковых оборотов – воссоздающих отдельные черты внешности императора, на которые обращает внимание солдат Щепотев.

Лексический повтор глагола *‘заметил’* передает читателю субъективный взгляд на созданный образ. Возможно, те черты внешности, на которые обратил внимание солдат А. Щепотев, отметив их выдающимися в образе Петра, будут незначительными для других глаз и другого восприятия. В использованном стилистическом приеме нам видится мастерство Л. Толстого – тонкого писателя-психолога. Кроме того, повтор торжественных морфем служит также «способом развития одной из микротем текста и актуализации связанных с ней семантических признаков», а также средством «акцентирования художественного образа» [Николина 2018: 35].

Мы распределили лексемы по тематическим группам, в соответствии с доминантами, которые выделяет герой Л. Толстого (Таблица 1).

Таблица 1. Лексические доминанты, формирующие образ Петра I

внешность	пластика и походка	голос
<i>‘скулы широкие и выставленные’</i>	<i>‘иноходный бег’</i>	<i>‘неровность голоса, когда он начал говорить’</i>
<i>‘лоб крутой и изогнутый, глаза черные, не блестящие, но светлые и чудные’</i>	<i>‘сутоловатость и нескладность’</i>	<i>‘то он басил, то срывался на визгливые звуки’</i>
<i>‘рот беспокойный, всегда подвижный’</i>	<i>‘быстрота, неровность движений’</i>	
<i>‘жилистая шея’</i>		
<i>‘уши большие и неправильные’</i>		
<i>‘чернота волос, бровей и усов, подстриженных, хотя и малых’</i>		
<i>‘мягкость, не курчавость, этих волос’</i>		
<i>‘выставленный широкий, с ямкой, подбородок’</i>		

[Толстой 1985: 207].

В приведенных тематических группах нами отмечается доминирование портретных деталей. Примечательно, что в качестве уточняющих элементов автор выбирает не одно определение, выраженное прилагательным или причастием, а однородный ряд атрибутивов или придаточные конструкции.

Портрет Петра выполнен импрессионистическими штрихами, в результате чего возникает чувство осторожности, неуверенности, несмотря на большое число деталей и их уточняющих характеристик. По мнению Б.М. Эйхенбаума, в период работы над портретом главного героя Л. Толстой не смог прийти к окончательному пониманию психологического образа императора, не смог найти «разгадку» тайны личности Петра [Эйхенбаум 2009: 626].

Из письма Л.Н. Толстого к А.А. Фету мы узнаем о прекращении работы над историческим романом вследствие невозможности разрешить проблему изображения царя-реформатора, над нововведениями которого потешается народ: «Народу Петр представлялся шутком» [Эйхенбаум 2009: 628–629].

Вероятно, изучение хроник и архивных документов петровского времени, его родословных не помогли Л.Н. Толстому пролить свет на сложную фигуру правителя, а наоборот, поставили перед ним новые неразрешимые вопросы.

Иной взгляд на образ Петра в композиционном и лингвистическом плане представлен в историческом романе Д.А. Гранина «Вечера с Петром Великим». Перед автором стояла проблема определения причин возникновения нового типа правителя: «...как в душной атмосфере сонного Московского Кремля появился этот сгусток энергии, устремленности, исключительной воли и любознательности? Что сформировало этот ум, этот характер?» [Гранин 2014: 13].

Возвращаясь к трактовке жанрового своеобразия романа Д. Гранина, мы не можем сказать, что он относится исключительно к историческому типу, поскольку поставленные автором вопросы требовали осмысления исторических фактов о Петре I, определения причин формирования противоречивой личности. В.Д. Оскоцкий, определяя жанровую принадлежность романа, охарактеризовал его как роман «раздумий об историческом прошлом» [Гранин, Оскоцкий 2001: 176]. Действительно, для ответа на поставленные вопросы автор выбирает форму повествования от третьего лица; каждая глава – это сообщения-рассказы учителя истории Молочкова. Незатейливая беседа-рассуждение Молочкова и его слушателей позволяет не только представить ранее не известные факты о петровском времени, но и дать им оценку, коннотативное значение, то есть «дополнительный оттенок смысловой и/или эмоционально-экспрессивной составляющей слова» [Геймбух 2019: 47].

Работая с архивными документами, которые содержат бесчисленные описания жестокости, деспотизма, необузданности нрава первого императора России, Д.А. Гранин находит положительные качества личности, которые несут созидательную пользу, направлены на развитие государства: «...зря винят Петра в непомерной строгости, не употребил бы Петр палки, так еще двести лет дремала бы Россия на лежанке, упивалась бы своим святым невежеством и высокой миссией» [Гранин 2000: 31]. Однако Д.А. Гранин не идеализирует личность Петра, например, в главе «Царский эксперимент», рассказчик не только повествует о казни сибирского губернатора казнокрада Матвея Гагарина, но и дает оценку деяниям Петра: «**Вы поднимитесь туда, к престолу, оттуда посмотрите, что творится. Нам думается, что снизу виднее. Нет, дорогие мои, сверху как на Россию посмотришь, на ее губернаторов, на местных грабителей, сердце трещит от ярости**» [Гранин 2000: 31]. Употребленные императивные глагольные конструкции, характерные для разговорного стиля, развернутая метафора, включенные в реплику Молочкова, героя-резонера, за которым угадывается голос автора,

выражают позицию, оправдывающую царскую жестокость по отношению к мздоимцам.

В созданном Д.Г. Граниным образе Петра I сосуществуют строгость в исполнении обязательств государственного деятеля и страсть к развлечениям, шумным маскарадам, разгульному образу жизни. Петр показан как личность, не лишенная человеческих пороков и даже грехов.

Однако на первый план рассказчиком выдвигаются таланты и увлечения Петра, проявленные еще в юношеские годы: пытливый ум, задатки устроителя всего лучшего и нового, любовь к потешным баталиям, – всё это становится средством осуществления будущих реформ и достижения выдающихся результатов в военных походах и кампаниях. Автор употребляет субстантивы *‘полководец, флотоводец’* с аффиксом *-дец* для выражения оценки исключительных талантов Петра. *«Он мечтал пестовать свое детище – Академию наук, посылать экспедиции, собирать чудеса природы, заниматься просвещением, науками. Строить новую столицу»* [Гранин 2000: 56]. В приведенной синтаксической конструкции употреблены однородные глагольные сказуемые, в которых вспомогательная часть выражена инфинитивной формой с общей оценочной семой: ‘созидание’, ‘устроение’, ‘обновление’.

По мнению А.М. Лобина, противоречивые черты личности Петра сосуществуют, при этом положительные качества, прежде всего человеческие, оказываются более весомыми, они уводят в тень всё отрицательное, что имелось в натуре Петра [Лобин 2015]. Создается образ самоотверженной, положительной личности.

Заключение.

Для Л.Н. Толстого загадка личности Петра неразрешима, об этом свидетельствует ряд лингвостилистических особенностей. На лексическом уровне заметно выражен авторский аксиологический дуализм. С одной стороны, большинство лексем не передает однозначную авторскую оценку личностных качеств Петра; лексемы имеют преимущественно нейтральную коннотацию, общая тональность повествования безэмоциональна. С другой стороны, в описании портрета Петра эмотивный фон лексического корпуса заметно меняется. Поскольку художественный образ создается глазами солдата А. Щепотева, увеличивается число конкретизирующих атрибутивов, придаточных конструкций. Примененный автором художественный прием «остранения» позволяет посмотреть на портрет Петра со стороны.

Во фрагментах задуманного Л. Толстым романа содержатся образы Петра и его сподвижников, описаны архивные факты с позиции «история-искусство», но произведение остается художественно незавершенным. В дневнике, датированном 31 января 1973 года, С.А. Толстая запишет слова

самого Л.Н. Толстого: «Машина вся готова, теперь ее привести в действие» [Эйхенбаум 2009: 628].

Применяя лингвостилистический подход к исследованию романа Д.А. Гранина, нам удалось определить ряд лингвистических особенностей, посредством которых автор создает образ Петра I в канве художественного текста. Благодаря выбранному жанру, контаминации исторического романа и эссеистического повествования, а также благодаря использованию лексического корпуса, передающего авторскую оценку, Д. Гранин создает многоплановый (многозначный) художественный образ. Употребленные Д. Граниным императивные конструкции, развернутые метафоры выражают преимущественно отрицательную оценку – порицание петровской жестокости, деспотизма, праздного образа жизни; напротив, лексемы с семантикой созидания, перифразы с положительной коннотацией выражают одобрительную оценку петровских преобразований, деятельных качеств личности Петра. Действительно, в сравнении с другими государственными деятелями Петр I был наделен способностью бескорыстно служить Отечеству, считая себя *«лишь инструментом в руках Господа, правителем, служившим идее самодержавия»* [Гранин 2000: 205]. Именно это качество личности выступает ключевым в образе Петра, позволяет Д.А. Гранину приблизиться к разгадке тайны гения, образ которого создан в романе.

Несомненно, и для Л.Н. Толстого, и для Д.А. Гранина Петр Первый представлялся личностью мятежной и талантливой, противоречивой и волевой. Анализ незавершенного романа о времени Петра Л. Толстого и романа Д. Гранина «Вечера с Петром Великим» позволил выявить лингвистические и стилистические особенности, посредством которых авторы создают исключительные художественные образы Петра I.

Библиографический список

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Издательство «Высшая школа», 1971. 240 с.

Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Высш. шк., 1991. 447 с.

Геймбух Е.Ю. Слово в «Повестях Белкина»: сложности выявления смыслов (На материале лексем метель, судьба) (К 220-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 3. С. 46–51.

Гранин Д., Оскоцкий В. Чему учит история // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 176–204.

Гранин Д.А. Человек не отсюда. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. 320 с.

Гранин Д.А. Вечера с Петром Великим (сообщения и свидетельства господина М.). СПб.: Историческая иллюстрация, 2000. 432 с.

- Григорьев В.П. Грамматика идиостиля. Москва: Наука, 1983. 225 с.
- Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1974. 285 с.
- Лобин А.М. Концепция гениальности в творчестве Д.А. Гранина (на материале романа «Вечера с Петром Великим») // Филологический класс. 2015. №1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-genialnosti-v-tvorchestve-d-a-granina-na-materiale-romana-vechera-s-petrom-velikim> (дата обращения: 05.11.2022).
- Николина Н.А. Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И.С. Тургенева // Русский язык в школе. 2018. № 9. С. 32–36.
- Толстой Л.Н. Война и мир: роман в 4 т. М.: Сов. Россия, 1991. Т.3–4. 736 с.
- Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22-х тт. М.: «Художественная литература», 1985. Т.17. 824 с.
- Чичерин А.В. Идеи и стиль. Москва: Сов. писатель, 1968. 374 с.
- Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

References

- Vinogradov V.V. O teorii xudozhestvennoj rechi. M.: Izdatel'stvo «Vy'sshaya shkola», 1971. 240 s.
- Vinokur G.O. O yazy`ke xudozhestvennoj literatury`. M.: Vy'ssh. shk., 1991. 447 s.
- Gejmbux E.Yu. Slovo v «Povestiyax Belkina»: slozhnosti vy`yavleniya smy`slov (Na materiale leksem metel`, sud`ba) (K 220-letiyu so dnya rozhdeniya) // Russkij yazy`k v shkole. 2019. № 3. S. 46–51.
- Granin D., Oskoczkij V. Chemu uchit istoriya // Voprosy` literatury`. 2001. № 3. S. 176–204.
- Granin D.A. Chelovek ne otsyuda. SPb.: Izdatel'skaya gruppa «Lenizdat», «Komanda A», 2014. 320 s.
- Granin D.A. Vechera s Petrom Velikim (soobshheniya i svidetel'stva gospodina M.). SPb.: Istoricheskaya illyustraciya, 2000. 432 s.
- Grigor`ev V.P. Grammatika idioshtilya. Moskva: Nauka, 1983. 225 s.
- Larin B.A. E`stetika slova i yazy`k pisatelya. Leningrad: Xudozh. lit. Leningr. otd-nie, 1974. 285 s.
- Lobin A.M. Konceptsiya genial`nosti v tvorchestve D.A. Granina (na materiale romana «Vechera s Petrom Velikim») // Filologicheskij klass. 2015. №1 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-genialnosti-v-tvorchestve-d-a-granina-na-materiale-romana-vechera-s-petrom-velikim> (data obrashheniya: 05.11.2022).
- Nikolina N.A. E`kspressivny`e slovoobrazovatel`ny`e sredstva v proze I.S. Turgeneva // Russkij yazy`k v shkole. 2018. № 9. S. 32–36.
- Tolstoj L.N. Vojna i mir: roman v 4 t. M.: Sov. Rossiya, 1991. T.3–4. 736 s.
- Tolstoj L.N. Sobr. soch. v 22-x tt. M.: «Xudozhestvennaya literatura», 1985. T.17. 824 s.
- Chicherin A.V. Idei i stil`. Moskva: Sov. pisatel`, 1968. 374 s.
- E`jxenbaum B.M. Lev Tolstoj: issledovaniya. Stat`i. SPb.: Fakul`tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. 952 s.